

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№
5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 26.

Имадеддин Насими.
к: Михаил Абдуллаев

Листая страницы книги академика Рафаэля Гусейнова, всякий раз невольно задумываюсь над тем, сколько труда и времени вложил он в её создание. И речь ведь идёт не только об этом. В глубоко аргументированных рассуждениях, раскрывающих в каждой главе полную картину жизни и событий давно прошедших дней, чувствуется и частичка души автора. Иначе как было бы возможно, читая страницу за страницей, мысленно переноситься в столь отдалённые времена, сопереживать героям, преодолевать вместе с ними огромные расстояния...

«Божественный безбожник», так назвал автор 14-ю главу, посвятив 50 страниц жизни и деятельности Имадеддина Насими. Прочитав эту главу до конца, мне невольно захотелось охарактеризовать её словами Шекспира:

*Нет повести печальнее на свете,
Чем сказ о Насими поэте.*

В отличие от своих предшественников, он прошёл по бранным земным дорогам отпущенных на его долю всего лишь 48 лет. Но след на белом свете он оставил настолько заметный, что имя его, пробившись сквозь века и тысячелетия, дошло до наших дней. И вот как, об этом повествует академик Р.Гусейнов на странице 385.

«В двадцатье годы минувшего века наследие и личность Насими впервые вызволил из плесени забвения и представил Азербайджану по тем временам в совершенном и целостном виде самоутверждённый подвижник и собиратель Салман Мумтаз. Основываясь на источниках, он писал, что Насими – уроженец Шамахи. В канун 600-летия Насими, отмеченного на всеобщем уровне – в Москве и зарубежных странах под эгидой ЮНЕСКО, в начале 70-х годов в азербайджанской печати и различных научных изданиях стали перемещаться различные суждения и позиции относительно места рождения великого поэта. В те дни прозвучало мнение известного исследователя классической литературы Алиаждара Сеидзаде, коренного бакинина, о том, что Насими был уроженцем Баку. А Сеидзаде, знавший арабский и фарси, перелопатил старые источники, архивы, рукописи и выявил, что «нашёл квартал и дом в Ичеришехер (цитадель старого Баку, – Р.Г.), где жил Насими, причём сам он в шести стихотвор-

ениях дал понять, что «начал проповедовать хуруфизм в моём родном городе Бады-Кюбе (Баку – Р.Г.)», – это заявление было встречено реакцией: «А почему бы и нет».

Вскоре в научный оборот вошли и другие версии. Профессор Гянджинского пединститута Назим Ахундов выдвинул мысль о том, что Насими был родом из Гянджи. Затем было опубликовано мнение ещё одного авторитетного, маститого учёного, академика Мамед Джафара Джафарова, считавшего Насими нахчыванцем. Достаточно компетентный, серьёзный исследователь профессор Гамид Мамедзаде, выходец из Южного Азербайджана, некоторое время проживавший и трудившийся в Баку как политэмигрант, выдвинул версию о том, что Насими был уроженцем Тебриза».

Дербентский геолог Азиз Азизов в своей статье, ссылаясь на обнаруженную в Дербенте пещеру, где якобы когда-то собирались на свои ритуальные обряды хуруфиты, утверждал, что Насими родом из Дербента. Среди этих версий есть и суждение Гастамонлу Лятифи о том, что Насими якобы родился в селении Насим близ Багдада т.д.

Между тем в Баку шла подготовка к проведению юбилейных торжеств в Москве. Композиторы слугали музыку на стихи поэта, художники писали картины. А на бакинской киностудии имени Джафара Джаббарлы снимался знаменитый фильм о трагической судьбе поэта. В эти дни, как пишет автор на странице 388, в Москву, в Кремль поступило послание из Ашхабада о том, что проведение юбилея в Азербайджане неправомерно, так как Насими – туркмен. При этом авторы послания ссылались на известного учёного востоковеда А.Крымского о том, что «Насими – туркменский поэт». И только благодаря решительности Гейдара Алиева, недавно возглавившего нашу республику, торжественный юбилей был широко отмечен в Баку.

Отвечая на вопрос: кем же был Насими, автор книги приводит следующие строки поэта:

*Вне пространства Насими, нет ему нигде гнездовья.
И на что ему гнездовье, не вмещающемуся в мир.*

*Я ведун стихии мощи, перл единой кладовой,
Днесь я Насими, который слился с грешною землёй.*

*Отрекался я от света, благостныи мировой,
Насими я, дервиш бедный со смиренною душой.*

*Тридцать две священных буквы – моя вечная родня.
Нет сравнения и подобья, вне сомнений у меня.
Ибо вещь, бесконечны и начало, и конец,
И допрежь, и напоследок я сиянье и венец.*

«Он видел в буквах сакральный смысл, уподобляя себя им, видел смысл своего бытия в слове, выстраиваемом из букв. По убеждению Насими, нет силы могущественнее слова, глагола, и слово означает и воплощает всё... Слове величинной с искорку, луч с энергией Солнца, поэт, не вмещающийся в мир», – читаем на страницах 392 и 396.

Здесь же мы узнаём о том, что, вмещавшийся в лоно матери своей в 1369 году будущий поэт явился на свет всё-таки в Шамахе. Далее автор рассказывает о том, что род Насими генетически был из «сеидов» – людей, чья родословная была связана родственными узами с потомками Пророка Мухаммеда. Получил основное образование в благодатной шамахинской среде.

На странице 402 узнаём о том, что его влекло к хуруфизму, лидером которого был уроженец Тебриза Шейх Фазлуллах (1339 – 1394).

«Смолodu усвоив основы современных ему научных знаний, он жил за счёт своего ремесла – шапошничества, но ему была уготована миссия духовного предводителя униженных и угнетённых, нового философского движения. Он создал главную программную книгу хуруфизма – «Джавиданнаме» («Книга увекочевенных»), к свету которой причастился и Насими, выразив свою приверженность уставу в следующих строках:

*Фазл-и хагг – наш мудрый тайновед,
У Фазл-и хагга черпаем все свет,
Как действовать – он всем явил секрет.
Он – зодчий наш, иного нет и нет.*

Когда в 1386 году Фазлуллах прибыл в Ширван с целью проповедовать хуруфизм и привлечь новых приверженцев, Насими был уже известен, как поэт.

Правители видели в хуруфизме потенциальную угрозу их власти, и Фазлуллах был заключён под стражу, отправлен в Нахчыван, а затем подвергнут ужасной казни. Его привязали к конскому хвосту и волокли по скалистой земле до тех пор, пока тело несчастного, ударяясь о камни, не стало бездыханным. А в застенке до того, у него вырвали язык... Да, средневековая жестокость была беспощадной.

Фазлуллаху удалось перед гибелью передать на волю своим сподвижникам, в числе которых был и Насими, «Завещание». В нём он предупреждал их о том, чтобы никто не узнал, что они – его мюриды. «Изменить одежду, внешний вид, на манер ширванцев и горского джамаата. Отдайтесь в недоступное и надёжное пристанище. Осуществите это дело возможно скорее, пока никто из орды не успел двинуться за вами, совершите побег без потерь. Конечно, конечно, конечно же, спешите уйти. Отойдите в дальние горные края, смените свои имена. Отрешились от дервишеских радений. Советую также постоянно совершать намаз и заниматься каким-либо ремеслом», – читаем на странице 408.

Насими внял «Завещанию» учителя, но не до конца. Он поспешает в Анатолию. Здесь идеи хуруфизма и «бекташи», к которому он примкнул до Фазлуллаха, под его влиянием пускают глубокие корни. Его даже не останавливает то, что бекташיות не вешают, им не сносят головы, – во время султана Мурада многих из них сжигали живьём в огне. У Насими появляются в Анатолии и друзья, и враги.

Чувствуя, что над ним постепенно сгущаются тучи, он вновь отправляется в путь, на этот раз в Ирак и Сирию. Всякий раз, когда речь заходит о передвижениях наших великих средневековых соотечественников, поражаюсь тому, как в те времена, когда не было автомобилей, поездов и самолётов, они умудрялись преодолевать, причём, с поспешностью огромные расстояния.

На странице 411 сообщается о том, он в совершенстве знал турецкий, арабский и фарси, писал стихи на этих языках. В арабском мире, и на Кавказе, и в Анатолии публика встречает Насими уважительно.

До нас донеслось летописное сообщение об эпизоде в средневековом Алеппо. Один из учеников Насими на городской площади громко читал газель поэта на фарси, утверждая, что он является её автором.

*Мой лик дано узреть том, кто зреть лик Господний,
Самовлюблённый лик узрит ли лик Танры?
Тобой ниспослан свет, свет в очи Насими,
Он чаёт зреть тебя, других узреть нужды нет!
Но эти строки сочли богоульством и кощунством.*

Читавшего газель молодого человека схватили и подвели под виселицу. Услышав об этом, Насими спешит на площадь, сообщает правду и таким образом вызывает безвинного юношу, но сдвёт себя в руки служителей культа...

Арабский историк XV века Муваффагаддин Ахмед ибн Ибрагим аль-Халеби сообщает нам о тех днях кровавой расправы в хронике «Кунуз уз-захаб ва тарихи и Халаба». «Златые кладёзы и истории Халаба (Алеппо)». Историк привёл и текст фирмана, приговорившего Насими к казни. Он называет поимённо всех пяти вершителей этого судилища, которое по причине требования некоторых из них необходимости доказательства вины не поддерживают приговор. Насими уводят в темницу. Ждут высочайшего вердикта султана Муаяддинна. Он не заставляет себя ждать: «...Содрат с него кожу, выставить на всеобщее обозрение в Алеппо в течение недели, затем четвертовать...»

Казнь Насими своей жестокой изощрённостью напоминает казнь Бабака (девятый век «акнул» в пятнадцатом столетии).

Как и Бабек Насими при нечеловеческих терзаниях и боли нашёл в себе силы ответить одному из экзекуторов, который с издёвкой спросил его: «Что ж ты побледнел-пожелтел?».

Предания сохранили гордый ответ замученного поэта: «Я... Солнце Любви, взошедшее на горизонты вечности... И Солнце, угасая, бледнеет...», – читаем на странице 416.

«Был ли поэт к тому времени женат или обзавёлся семьей в тех краях? Нет источников, дающих достоверный ответ на этот вопрос.

Наиболее вероятное предположение, что создание им семьи относится ко времени обоснования Насими в Сирии.

Поскольку Абулфазл ниспослан небом (Аллахом) Насими,

Он несёт имя то же, что (воплощающий) буквы небес.

«Абулфазл» означает «сын Фазла». Имадеддин Насими избрал свой псевдоним в честь устада – Фазлуллаха Наими, и сына он нарёк именем Фазл – в честь Фазлуллаха.

Сегодня в Сирии живут представители рода, потомки Насими. Но их знает узкий круг людей, близкие друзья, родственники. А стихи Насими ныне знают все, и будут знать во все грядущие времена.

Подготовила Медина ГАСАНОВА,
Заслуженный журналист
Азербайджанской Республики.